

к у л ь т у р а р е к о н с т р у к ц и я

Левитан И.И. Фотопортрет в профиль.
Стекло, негатив черно-белый (фотография). 11,8×8,9.
Из собрания Государственного музея истории российской
литературы имени В.И. Даля

к у л ь т у р а р е к о н с т р у к ц и я

Исаак
**ЛЕВИ
ТАН**

Письма,
документы,
воспоминания

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 75.071.7:929(47)

ББК 85.143(2)6-8

Л36

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

*Предисловие, составление и комментарии
Софьи Аксеновой*

Л36 **Исаак Левитан.** / Письма, документы, воспоминания — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 320 [16] с. — (*Культура. Реконструкция*).

ISBN 978-5-17-160222-2

В этой книге собраны тексты, которые были написаны рукой Исаака Ильича Левитана и тех, кто захотел сохранить свои воспоминания о нем. Задача этого издания — предложить читателю возможность погрузиться в мир одного из самых известных русских художников.

УДК 75.071.7:929(47)

ББК 85.143(2)6-8

Левитан Исаак Ильич. 1860–1900. Крымский пейзаж. 1887. Холст, масло. 73x97
© «Плесский музей-заповедник», Плес, 2024 г.

Левитан Исаак Ильич. 1860–1900. Волга. 1888–1890. Холста, масло. 35x57
© «Плесский музей-заповедник», Плес, 2024г.
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-160222-2

Введение

Чтение писем и воспоминаний — это манящая возможность. Она привлекательна не только для профессиональных историков, но и для всех, кому любопытно погрузиться в события прошлого. Последние годы источники все чаще из вспомогательного материала становятся главным. Они — письма, документы, телеграммы, дневники — характерны, несут на себе и стиль времени, и отпечаток личности, их создавшей.

В этой книге собраны тексты, которые были написаны рукой Исаака Ильича Левитана (1860–1900) и тех, кто захотел сохранить свои воспоминания о нем. В этом издании мы предлагаем читателю возможность погрузиться в мир мыслей и действий одного из самых известных русских художников.

Книга состоит из двух частей: биографии художника, которую сопровождают документы и письма, и воспоминаний современников.

Сохраняя академическую точность, эта книга старается стать похожей на литературный сериал. В первой части закадровым голосом (словами редактора в биографии и комментариях) намечаются основные события из жизни главного героя. Канцелярским языком документов они подтверждаются. Голосом самого главного героя они раскрываются. И вот уже «пришел, ушел, общался» превращаются во «встревожен», «передаю наисердчайший привет»,

а имена и отчества заменяются живыми и ироничными «талантливый крокодил» и «милейший регистратор». Хроника, историческая последовательность становится главным стержнем повествования. Письма Левитана инкрустируются в нее на «свои» места — так, чтобы описанное событие было проиллюстрировано живым словом, если это возможно. Лишь в паре случаев редактор позволил себе нарушить хронологию, например, чтобы не прерывать раскрывающуюся в последовательности писем историю. Как было бы интересно, если бы мы могли воссоединить переписку — сопоставить письма Левитана с ответами его респондентов! Но, к величайшему сожалению, по желанию художника в последние дни жизни весь архив его корреспонденции был сожжен. Однако некоторые, особенно драматичные, моменты обсуждались в переписке между близкими друзьями живописца. Несколько таких текстов, с особенно яркими характеристиками, будут вплетены в ткань повествования этой книги.

Во второй части издания читателя ждет многоголосый хор. Воспоминания современников, приведенные после расцвеченной прямой речью хроники, позволяют показать ту же историю другими глазами: товарищей, коллег, учеников, деловых партнеров. Это и короткие заметки, своего рода маленькие этюды. И торжественные некрологи, в которых создается словесный парадный портрет художника. И дневниковые записи, которые фиксируют сиюминутную сцену. Есть и тексты очень продуманные, прочувствованные, которые открывают для нас серьезный, интимный образ Левитана-друга или Левитана-учителя.

Обратим внимание на отдельную группу воспоминаний — тексты учеников Левитана. Левитан преподавал недолго, в последние пару лет своей жизни, но это оказалось невероятно продуктивной практикой. И для его учеников, и для него самого, и для «нас» Левитан, кроме

одной статьи и фрагментов писем, не излагал текстуально свою теорию искусства. А в воспоминаниях студентов мы находим и его практические советы по технологии живописи, и концептуальные по работе с пространством картины. Они содержат крайне важную информацию, которая дает нам возможность узнать больше о творческом методе художника (а еще помогает при технико-технологических экспертизах и реставрации).

Вместе с представлением о самом Левитане из приведенных в этой книге воспоминаний складывается и целая портретная галерея его окружения. Их темпераменты, мнения, пристрастия и противоречия легко считываются в изложенных мыслях и стиле речи.

Чтобы все эти материалы собрать в одном издании, потребовались десятилетия труда многих специалистов. Сами документы (письма, статьи, дневники) хранятся более чем в десяти архивах и библиотеках. Они собирались и изучались уже современниками Левитана, а в XX и XXI веках несколько раз издавались. Фундаментальным трудом, на который вот уже почти 70 лет опираются исследователи, стали книги под редакцией Алексея Александровича Федорова-Давыдова (1900–1969)¹. В результате титанической работы, которая требовала от целой команды авторов сочетания навыков архивистов, детективов, историков, искусствоведов, был издан основной корпус документов, связанных с именем Левитана. Это книги «Левитан. Письма, документы, воспоминания» 1956 года и «Исаак Ильич Левитан. Документы, материалы, библиография» 1966 года².

---

¹ Анализ этого важного этапа в библиографии Левитана приводится в статье В.С. Турчина «Профессор А.А. Федоров-Давыдов и его представления о творчестве И.И. Левитана» («Исаак Левитан. К 150-летию со дня рождения». М., 2010).

² Большинство писем, документов и воспоминаний, опубликованных в этой книге, печатаются по этим двум изданиям.

За последующие десятилетия данные, которые в них приводятся, уточнялись, а также были введены в оборот новые материалы.

Как наследник уже более чем вековой традиции изучения творчества и жизни Левитана, книга, которую вы держите в руках, призвана познакомить вас с самыми главными моментами его истории. Стилль ее повествования не столько академический, сколько научно-популярный — и для того, чтобы сделать доступной для любого читателя ту радость, которую так часто испытывает исследователь, и для того, чтобы напомнить, что перед нами отпечатавшаяся в тексте настоящая жизнь¹.

Относиться к этому материалу можно по-разному. Можно погрузиться в повествование о главном герое. В конце концов, разве не ради историй о человеке снимаются тысячи фильмов и сериалов, не жизнь ли отдельных людей описывают миллионы книг и песен? А можно опираться на эти свидетельства при интерпретации творчества художника.

Левитан прожил недолгую жизнь, оттого и его профессиональная практика уместилась в 20–27 лет (27 — это с учетом образования, которое он начал в 13). За эти годы он столкнулся едва ли не со всеми проблемами, будоражившими умы современных ему художников. Перечислим некоторые из них:

- Как стоит работать с натурой? нужен ли реализм в живописи? Что это вообще такое?
- Должно ли изображение быть символом чего-то

---

¹ Материалы печатаются в современной орфографии и пунктуации. Восстановленные авторские сокращения и недописанные слова приводятся в квадратных скобках. На месте слов, которые не удалось разобрать, ставится соответствующая пометка в круглых скобках. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках.

большого?

- Стоит ли художнику отказаться от формата большой законченной картины в пользу эскизов? И стоит ли заменить тщательную проработку живописной поверхности на эскизную манеру?
- Не отказаться ли живописи от предмета изображения? (строго говоря, это деликатно сформулированный вопрос «почему бы искусству не быть беспредметным?»)

Можно было бы давать ответы на эти вопросы, базирясь только на анализе творчества Левитана. Но публикуемые ниже письма и воспоминания дают нам возможность выйти за пределы собственного опыта и посмотреть на эти проблемы глазами Левитана и его современников. Они хранят драгоценные свидетельства.

Куда Левитан ходил гулять? Один? В компании? Что с собой брал? Как говорил об увиденном? — вот перед нами и его опыт всматривания в природу, вот и те места и ситуации, которые его впечатлили.

Что он говорил о работах других художников? Как общался со студентами? Кого какими словами укорял? А за что хвалил? — так формулируются его творческие установки, ценности в живописи.

Что он читал? Какую музыку слушал? Какие стихи цитировал? — этот список многое скажет нам о вкусах художника и позволит уточнить такие всеми любимые слова о «поэтичности» и «музыкальности» его работ.

Большое искушение, которое стоит перед любым читателем мемуаров или документов, — сразу проецировать прочитанное на творческое наследие автора. Это кажется очевидным и понятным: вот тут автор пишет о том, что ему грустно, значит и пейзаж, написанный в это время, мы можем трактовать как минорный. Но ху-

дожники не всегда используют живопись (шире — искусство вообще) как инструмент саморефлексии. Несправедливо представление о том, что все переживания автора обязательно оказываются на холсте. Да, конечно, конец XIX века давал художникам несравнимо больше пространства для выражения своих чувств и настроений в художественных формах, чем, например, век XVIII (из-за изменений структуры художественного рынка и взаимоотношения зрителя и произведения искусства). Но не стоит все творческое наследие художника ставить в зависимость от его настроения и состояния. Даже при всей психологичности живописи Левитана и меланхоличности некоторых картин, не будем рассматривать его картины и рисунки как «терапию». В том и заключается мастерство большого художника — работать не «из-за» каких-то условий или переживаний, но «вместе» с ними, а иногда и «вопреки» им. И, если бы живопись Левитана являлась лишь отражением его личных переживаний, стали бы тысячи зрителей с таким волнением любоваться его полотнами? Вряд ли. А тем временем Левитан был и остается крайне востребованным у зрителей.

Почему? На прямой вопрос: «Почему он выдающийся?» или: «За что творчество Левитана так высоко ценится?» — хочется услышать простой и внятный ответ. Но, увы, короткие ответы оказываются часто слишком абстрактными, вроде: «Воспел красоту русской природы» или «Стал непревзойденным мастером пейзажа». Проще ответить коротко на вопрос: «Почему картины Левитана стали популярными среди его современников и не теряют своей актуальности до сих пор?» Ответ этот, правда, будет несколько формальным: художник затронул проблемы, которые были острыми и важными для его современников, и одновременно обратился к вневременным вопросам. Это вполне универсальная формула успеха, но,

увы, удобная только для ретроспективных исследований — знание ее вряд ли помогает художникам в процессе их работы. Предваряя знакомство с письмами и воспоминаниями, попробуем сформулировать несколько основных моментов, которые принято выделять как достижения Левитана.

В русской пейзажной живописи 1870–1900-х годов можно выделить три магистральных направления: эпический пейзаж, главным представителем которого называют Ивана Ивановича Шишкина¹, лирический пейзаж, который сформировали Алексей Константинович Саврасов² и Василий Дмитриевич Поленов³, и стоящий особняком космологический пейзаж, созданный Архипом Ивановичем Куинджи⁴.

Едва ли на самое емкое определение целей первых двух направлений развития пейзажа (в формулировке задания) дал еще в 1861 году Павел Михайлович Третьяков⁵: «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких

---

¹ Иван Иванович Шишкин (1832–1898) — художник-пейзажист, живописец, мастер гравюры, педагог; член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок. Жил и работал преимущественно в Санкт-Петербурге.

² Алексей Кондратьевич Саврасов (1830–1897) — живописец, педагог; художник-пейзажист, член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок. Влиятельная фигура московской школы живописи.

³ Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927) — живописец, педагог; пейзажист, автор жанровых картин и картин на библейские сюжеты. Член Товарищества передвижных художественных выставок. Организатор подмосковной артистической колонии в усадьбе Борок (ныне — Поленово).

⁴ Архип Иванович Куинджи (1842–1910) — художник-пейзажист, педагог; член Товарищества передвижных художественных выставок.

⁵ Павел Михайлович Третьяков (1832–1898) — предприниматель, меценат, один из крупнейших коллекционеров своего времени. Вместе с братом Сергеем Михайловичем (1834–1892) — основатель Третьяковской галереи.

чудес, дайте мне хоть лужу грязную, но чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника». Сложное сочетание правды и поэзии (весьма полярных категорий) и предлагали учителя Левитана, Саврасов и Поленов, и нашел он сам. Левитан работал в то время, когда пейзаж вместе с остальными жанрами интерпретировался как попытка описать и выразить национальную идею (что, отметим, было свойственно всем национальным школам в 1870-е годы).

Обратим внимание, как Левитан неоднократно подчеркивает в письмах, что ему важно и хочется работать с образами русского пейзажа. Европейские путешествия в его время составляли едва ли не обязательную часть программы самообразования для интеллигентного человека, для человека культуры. Молодым художникам, которые с отличием оканчивали Императорскую академию искусств, в качестве поощрения и как форму продолжения образования обеспечивали пенсионерские поездки в Европу на несколько лет. Левитан организывает для себя несколько поездок самостоятельно (в том числе и с оздоровительными целями). В этих путешествиях он пишет этюды, но сюжета для большой картины не находит. Более того, как мы видим из писем, он скучает, сетует и ради работы хотел бы вернуться. Любопытно также отметить, как он в диалогах с коллегами и учениками формулирует свои представления о необходимости быть знакомым с европейскими художественными практиками.

Пейзажисту в русской живописи последней трети XIX века нужно было ответить на сложные вопросы: каков мир вокруг? можно ли им наслаждаться? как эстетически осмыслить те качества, которые обычно приписывали (и приписывают) пейзажу средней полосы: сдержанность, суровость, монотонность? Во многих работах Левитан позволял зрителю восхититься скромной, тихой, скрытой прелестью изображаемых им просторов, как будто не доступной для

понимания любителям эффектных видов. И эту непарадную красоту зрители с радостью узнавали и признавали¹.

Пейзажи Левитана создавались под впечатлением от конкретных мест. Но в готовой картине он основывался на синтезе, сумме реальных впечатлений и художественных задач, выходящих далеко за пределы создания узнаваемого изображения какой-то территории. Как нам не следует предполагать прямую связь между настроением художника и характером его произведения, нам не стоит искать и конкретные адреса его картин. Пейзажи Левитана — это пространства удивительно универсальные, без географической привязки. Поэтому они так легко воспринимаются как «свои» людьми, которые живут в совершенно разных областях (и временах). Более того, узнают зрители не столько сами виды (леса, реки, озера, поля), сколько образ русского пейзажа вообще (в популярной литературе это качество часто называют способностью художника передать «душу пейзажа»).

Как он достигает формирования этого образа? Обратим внимание на записанные учениками слова Левитана. Он неоднократно призывал их искать общие отношения между частями картины. Он ждал от них крайней внимательности и больших усилий в работе над отдельными малыми объектами (что и сам демонстрировал), но при всем этом интересе к «макросъемке» говорил о необходимости видеть за деталью целое. Этот метод можно назвать практикой рассуждения или видения от частного к общему. Художественная оптика Левитана, его взгляд, демонстрировали способность от пристального взглядывания в предмет переходить к созерцанию пространства и контекста, от суммы предметов приходиться к тому це-

---

¹ Интересный взгляд на эту проблему представлен в статье Кристофера Или «Открывая русскую природу. Развитие эстетики в русском пейзаже XIX века» («Сними мне Левитана!» под редакцией Киры Долиной. М., 2018).

лomu впечатлению, которое оказывается многократно больше этой суммы.

Тут, пожалуй, самое время вспомнить словосочетания «пейзаж настроения» и «лирический пейзаж». Когда проносят эти термины, обычно подразумевают, что качества природы, качества пейзажа воспринимаются как проекция внутреннего состояния человека. Мы вправе здесь употребить по отношению к картинам термин из области анализа литературы — «лирический герой». Пейзажи Левитана увидены и прочувствованы не только самим художником, но и этим незримым лирическим героем. Именно к его, лирического героя, переживаниям мы и можем присоединиться, рассматривая картины. Работает пейзаж настроения и в обратную сторону — долгое вглядывание в него, вероятно, способно и зрителя погрузить в то состояние, которое свойственно изображенной на нем природе.

В одно время с Левитаном, но совершенно, должно быть, для него неизвестно, немецкое искусствознание разрабатывало понятие «вчувствования» (Einfuehlung). Суть этого понятия в способности человека перенести свои чувства или настроения на предмет, который их вызывает. (Стоит обратить внимание на то, что и термин, и феномен, им определяемый, трактовался по-разному и оказывался в одном ряду с концепциями «переживание» и «эмпатия»). Это родство на уровне теории, эту близость проблем живописца-практика и теоретиков философии и искусствоведения можно считать замечательным доказательством включенности Левитана в мировой художественный контекст. Тот самый пейзаж настроения Левитана и есть произведение, максимально открытое для вчувствования. Живопись Левитана расположена к тому, чтобы, воспринимая картину, зритель участвовал в созда-

нии художественного образа. И от личного опыта зрителя будет зависеть и его впечатление от произведения: бывал ли он в таких местах? случалось ли ему любоваться предзакатной тишиной? понимает ли он, куда ведет эта дорога?

Эта открытость к интерпретации позволила левитановским картинам формировать такую такую тесную связь со зрителем. Поэтому он был и остается любимым, востребованным художником. При жизни это можно было измерять в активном участии на выставках и в том, что произведения Левитана вошли в ключевые музейные и частные коллекции, а после смерти — в популярности его картин. Едва ли какие-то методические указания к программе изучения русского языка обошлись без предложения написать сочинение по картине Левитана, а его монографическая выставка в Третьяковской галерее в 2011 году открыла череду выставок-блокбастеров, собрав рекордные для того времени 300 000 зрителей.¹

Обратим внимание на другую сторону этого качества: Левитану удалось оказаться понятным для очень разных по духу художественных сообществ. В этой книге рядом друг с другом печатаются тексты людей, которые представляли едва ли не противоположные полюса русской художественной культуры: Минченков² и Дягилев³, Поле-

---

¹ Интересно, как «открытый код» картин Левитана и найденный им образ национального пейзажа сделал его востребованным образцом в других визуальных искусствах: кино и фотографии. Взаимоотношениям пейзажей Левитана и работ кинохудожников, режиссеров и операторов была посвящена выставка-исследование «Сними мне Левитана!» в Еврейском музее и центре толерантности и изданный к ней каталог «Сними мне Левитана!» (М., 2018).

² Яков Данилович Минченков (1871–1938) — художник, член ТПХВ и устроитель выставок, автор воспоминаний о передвижниках.

³ Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) — театральный и художественный деятель, антрепренер, один из создателей объединения «Мир искусства».